

УДК 298.9

Э. Ж. Каниметов

кандидат философских наук, и.о. профессора,
проректор по науке Кыргызского государственного университета
имени И. Арабаева; e-mail: kanimetov@mail.ru

КИРГИЗСКИЕ НЕОРЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФЕНОМЕН ЭТНОКУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются неорелигиозные аспекты духовных исканий в современном киргизском обществе. Отличительной чертой киргизского неорелигиозного движения является ее происхождение от традиционных духовных направлений этнокультуры. Новые религиозно-эзотерические течения в киргизской культуре представляют собой яркие образцы обновления (модернизма) духовно-религиозного сознания. Появившись в середине 1990-х гг. XX столетия, современные киргизские эзотерические, религиозно-мистические направления заявили о себе не только как о новом религиозно-духовном проекте. В нарративах представителей этих направлений их конструкт претендует на статус нового духовного видения – мировоззрения, синкретизируя религии, политику, магию, мифологию, культурные проекции. Эти тенденции создавалась как движение-ответ изменениям в общественной жизни в постсоветском пространстве, которые в статье, в наиболее обобщенном виде, понимаются как антропологическое движение, как восстановление «гомо сапиенс». Именно в таком контексте появление этнокультурных направлений новых религиозных течений в Кыргызской Республике возможно оценить как реакция на изменение смыслового содержания общих духовных ценностей, механизмов их локализации и реализации, что уже ведет к утрате традиционных культурных и нравственных опор этнической культуры. В статье на основе анализа большого количества источников (публикаций представителей таких направлений, основных сочинений, интервью носителей эзотерических течений, материалов Интернета) рассматриваются общие черты и особенности киргизских эзотерических, религиозно-мистических направлений. В ходе исследования определены следующие концепты: противостояние адептов официального ислама и представителей новых религиозно-эзотерических и этнокультурных движений происходит в обстановке усиления социальной неустойчивости, усугублявшейся экономическими политическими кризисами. Расцвет псевдорелигиозных направлений, арабско-ваххабскую версию ислама не решили проблему киргизской духовной культуры и не создали механизмов духовного производства, не спасли от «обскурации» этнической культуры. Для новых религий киргизской этнокультуры

при всем их разнообразии характерен ряд общих черт, совокупность которых отличает их от других религиозных направлений. Они в высшей степени синкретичны и эклектичны. То, что они называют себя «аянчылар» т. е. трансцендентальными проводниками Высших миров, вовсе не означает, что они возникли из ничего. Догматика и культовая практика новых религиозно-эзотерических течений базируются на киргизской духовно-культурной традиции, от которой они заимствовали самые разнообразные элементы. В отличие от европейских и российских языческих объединений, в киргизских религиозно-эзотерических группах не выстраиваются социально-политические проекции, основываясь на таких идиомах, как цвет кожи, родословная (расовая, национальная принадлежность). Также нет аксиомизации только этнического пантеона исторически фиксируемых героев, нет попыток создания проекций альтернативной истории, в то же время наблюдается попытки встраивания альтернативного видения невидимого живого мира духовной истории, где смешаны все – пространство и время, пророки, герои, прошлое и нынешнее.

Ключевые слова: киргизские неорелигиозные явления; этнокультура; эзотерика; духовные традиции этнокультуры; религиозная ситуация; новые религии; пост-модернизм; номад; параллель.

E. G. Kanimetov

PhD, Professor, Vice-rector of science,
The Kyrgyz State University named after I. Arbaev;
e-mail: kanimetov@mail.ru

KYRGYZ NEORELIGIOUS MOVEMENTS AS A PHENOMENON OF ETHNOCULTURE

The distinctive feature of the Kyrgyz non-religious movement is its origin from non-traditional spiritual trends of ethno culture. New non-religious trends in Kyrgyz society are vivid examples of religious modernism, definitely representing a renewed stream of religious consciousness.

Appearing in the mid-1990s, XX century, modern Kyrgyz esoteric, religious and mystical trends declared themselves not only as a new religious and spiritual project. In the narratives of representatives of these areas, their construct claims to be the status of a new spiritual vision – worldview, syncretizing religions, politics, magic, mythology, cultural projections. These trends were created as a movement-response to challenges, changes in public life in the post-Soviet space, which in the article, in its most generalized form, is understood as an anthropological movement, as the restoration of “homo sapiens”. It is in this context that the emergence of ethno-cultural trends of new religious movements in the Kyrgyz Republic can be assessed as a reaction to changes in the semantic content of common spiritual values, mechanisms for their localization and implementation, which already leads to the loss of traditional cultural and moral pillars of ethnic culture. The article examines some general features and peculiarities of Kyrgyz esoteric, religious and mystical directions based on the analysis of a wide range of sources (publications of representatives of such areas, major essays,

interviews with esoteric trends, Internet materials). The study identified the following concepts: the opposition of adherents of official Islam and representatives of new religious-esoteric and ethno cultural movements takes place in an environment of increasing social instability, aggravated by economic political crises. The rapid flourishing of pseudo-religious tendencies, the Arab-Wahhab version of Islam did not solve the problem of Kyrgyz spiritual culture and did not create mechanisms of spiritual production, did not save ethnic culture from "obscurization". With all their diversity, a number of common features are characteristic of the new religions of the Kyrgyz ethnic culture, the totality of which distinguishes them from other religious trends. They are highly syncretic and eclectic. The fact that they call themselves "ayanchylar" ie transcendental guides of the higher worlds does not mean at all that they arose from nothing. The dogmatic and cult practice of new religious and esoteric movements are based on the Kyrgyz spiritual and cultural tradition, from which they borrowed the most diverse elements. In contrast to European and Russian linguistic Associations in the Kyrgyz esoteric religious groups, sociopolitical projections do not line up, based on such idioms as skin color, pedigree (racial, national affiliation).

Also, there is no axiomization of only ethnic pantheon of historically fixed heroes, there are no attempts to create projections of alternative history, at the same time there are attempts to embed an alternative vision of the invisible living world of spiritual history, where everything is mixed – space and time, prophets, heroes, the past and the present.

Key words: modern Kyrgyz non-religious phenomena; ethno culture; esoteric; spiritual traditions of ethno culture; religious situation; new religions; postmodernism; nomad; parallel.

После начала периода «перестроечных» реформ (с 1990 г.) пост-советский мир пережил настоящее возрождение религиозной активности. Большая часть населения обратилась к институционально и законодательно оформленным религиям, а также к так называемым не признанным синкретическим религиям и народным верованиям. Начиная с указанного периода, помимо возникновения новых религий, в киргизском обществе нарастало интерес к различным эзотерическим учениям. Уже к 2000-м гг. этнокультурные вариации эзотеризма, новых религиозных учений нашли себя в киргизской литературе, искусстве, вышли в СМИ.

Несмотря на то, что с момента своего возникновения новая нетрадиционная религиозность киргизов стала объектом пристального внимания со стороны деятелей и активистов официально признанных религий, до сих пор еще не сложилась четкая оценка культурной деятельности представителей новых религиозно-эзотерических движений. Практически отсутствуют исследования, предметом которых

является анализ влияния новых религиозных движений и эзотеризма на состояние этнокультурной идентичности.

В настоящее время представители новых религиозных и эзотерических объединений ведут активную мистико-эзотерическую практику, основанную на духовных традициях этнокультуры, создают и регистрируют организации, открывают кружки, проводят сборы, семинары, предлагают этносоциальные и культурные программы, издают и распространяют свою литературу [Кудай созу улуу Манас Ата илиминде 2013], используют возможности Интернета и СМИ.

Новая религиозность явилась своеобразной реакцией не только на кризис советского общества, хотя, на наш взгляд, у кризиса как результата попытки построить общество, базирующегося на отрицании основ Модерна, при параллельном стремлении добиться завершения модернизации западного типа, есть другая сторона, еще более важная: кризис Новоевропейского механико-математического понимания Вселенной. Следовательно, постсоветское общество есть общество постсовременности в том смысле, что оно возвращается к традициям, отсеченным в результате победы современности в конце XVIII в. В таком аспекте изменение в общественной жизни постсоветского пространства, в наиболее обобщенном виде понимается как антропологическое движение, как восстановление «гомо сапиенс». Именно в таком контексте появление этнокультурных направлений новых религиозных течений в Кыргызской Республике возможно оценить как реакцию на изменение смыслового содержания общих духовных ценностей, механизмов их локализации и реализации, что уже ведет к утрате традиционных культурных и нравственных опор этнической культуры. Эта ситуация усугубляется процессами экономической и культурной глобализации, размывающими традиционные устои жизни и основы этнической культурной идентичности.

В постсоветский период интерес к религии, религиозному сознанию, мистике, эзотерике как феномену духовной жизни сопровождался с открытиями доступа к различным ее формам, возможностей беспрепятственно изучать религиозные, эзотерические тексты, сравнивать суть различных вероучений, искать собственные ответы на вечные вопросы о будущем человечества в рамках этнической культуры. Всё это, несомненно, расширяло границы поиска и привело к расслоению в духовной жизни киргизского общества. Такие изменения

не могли не отразиться на религиозном сознании и не вызывать сомнений в истинности прежних и новообразованных представлений, в том числе ныне официально действующего в Киргизской Республике варианта исламской религии и других религиозных сект.

Новое либеральное законодательство также создавало благоприятную среду для деятельности разнообразных религиозных организаций, привлекло в республику миссионеров со всего мира. В Конституции Киргизской Республики закреплены либеральные основы организации общества: «Каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, религиозной или атеистической деятельности ... Религия и все культы отделены от государства». В 1996 г. Президент страны подписал Указ о мерах по реализации прав граждан на свободу совести и вероисповеданий. В данное время именно в соответствии с этим Указом и Законом о религии от 1991 г. осуществляется вся деятельность религиозных организаций на территории Киргизской Республики.

Уже в 1995–1998 гг. число официально зарегистрированных иностранных миссионеров составляло около девятист, однако куда большее количество работали в республике нелегально. Деятельность многих сектантов была запрещена в других государствах (церковь Муна, «Белое братство» и другие тоталитарные секты). Некоторые из них были зарегистрированы как светские учреждения. Большинство подобных религиозных образований до сих пор обладают мощной финансовой поддержкой зарубежных центров, наличием которой не могут похвастаться представители местных новых религий. Традиционный киргизский ислам также подвергся массовой атаке со стороны исламских проповедников, опиравшихся на мощную финансовую поддержку извне (в основном из арабских стран и Турции).

Позиции Православной Церкви в Кыргызстане были ослаблены массовым оттоком из республики славянского населения. В 1992–1994 гг., в пике миграционного настроения, ежегодно выезжало 100–110 тыс. человек.

В апреле 1993 г. был зарегистрирован казыят мусульман КР, а через 5 месяцев, 17 сентября 1993 г., было образовано Духовное управление мусульман Кыргызстана (ДУМК). С первого дня данная организация / муфтият возглавляется киргизскими выпускниками арабских и пакистанских исламских религиозных образовательных учреждений. После

организации ДУМК в Кыргызстане началось строительство новых мечетей, создание исламских медресе, религиозных школ, религиозно замкнутых учебных заведений. В 1995 г. в Бишкеке открылась новая Центральная мечеть. Строительству мечетей по всей республике активную финансовую помощь оказывали зарубежные исламские организации. Например, Всемирная лига мусульман «Рабита» (Саудовская Аравия) спонсировала строительство мечетей «Рахматулла Алла» и «Имам Бухари» в Оше. Если в 1991 г. в КР насчитывалось 39 мечетей, а в 1997 – 160, то по данным официальных органов, на 2017 г. в республике действовали свыше 3500 мечетей. В данный момент строительство мечетей продолжается. Только недавно, 02.09.18, с участием президентов Кыргызстана С. Жээнбекова и Турции Р. Т. Эрдогана в Бишкеке открылась одна из самых больших мечетей в ЦА, построенная турецким фондом «Диянет».

Существование муфтията и работа госкомиссии по делам религии придает исламскому движению в Кыргызстане институциональный характер. Одной из приоритетных задач муфтията является повышение образовательного уровня священнослужителей. Возраст прихожан также претерпел изменения. Прихожане старше 60 лет составляют от 20 до 40 %, в зависимости от области. Зрелое поколение прихожан от 35 до 60 лет насчитывает порядка 30–39 %. Молодежь от 17 до 35 лет – 30–45 %. В мечеть стали ходить подростки и юноши до 17 лет – 10–25 % и дети – 8 %. В целом, молодежи теперь в мечетях больше, чем пожилых прихожан [Сейталиева 2003]. Официальный статус получают религиозные праздники.

Начиная с 1990-х гг. прошлого века, с периода бурной активности религиозных деятелей всех направлений, были заметны деятельность протестантских миссионеров. Они вели и ведут работу среди всех групп населения. Финансируемые из-за рубежа протестантские секты организации наладили массовое производство и распространение собственной литературы на киргизском языке, а также использовали этот язык для ведения проповедей. В результате численность перешедших в протестантизм киргизов, в начале 2000-х гг., превысила 15 тыс. человек. В среде киргизов стали не редкими случаи, когда члены одной семьи исповедуют разные религии. Наибольшую активность проявляют евангельские христиане-баптисты, Свидетели Иеговы; определенное распространение получило и учение Бахаи.

Пик обострения ситуации на религиозной почве между протестантами и мусульманами уже миновала. В начале 2000-х гг. ДУМК часто делало заявления, направленные на передел сфер влияния в республике деятельность протестантских сект, что привело тогда к обострению межконфессиональных отношений.

Однако наибольший общественный резонанс в Киргизской Республике вызывают не столько эти достаточно инертные образования, сколько противостояние официально и законодательно оформленного исламского варианта религии и вне официальных новых религиозно-эзотерических и этнокультурных движений, возникшие или же возобновившие деятельность в стране за постсоветский период.

Новые религии – один из многих дефиниций религиозно-эзотерических течений в киргизском обществе. Некоторые исследователи предлагают название «народные религии», а СМИ иногда называют эти течения «кыргызчылык», исходя из того, что большинство их ведет происхождение от традиционных духовных народных движений, развивающихся вне рамок традиционных религиозных направлений. Следует отметить, что взгляды и мировосприятие представителей киргизских религиозно-эзотерических течений кардинально различаются от взглядов, мировосприятия представителей общественно-политического явления «Тенирчилик» (тенгрианство) в киргизском обществе.

Идеологи и те представители, которые стоят у истоков этого явления, пытаются углубиться в философии, лингвистике и истории феномена «Тенгрианство», популяризировать и легитимизировать ее как самобытную религию / систему мировоззрения древних кочевников и киргиз. Например, Чоюн Омуралиев в своих книгах о Тенгрианстве [Омуралиев 1994; Омуралиев 2012] рассматривает тенгрианство как устойчивую систему мировоззрения всех кочевых народов, пытается актуализировать, дать философское обоснование этого явления. Писатель Орозбек Айтымбет в своей монографии «Көкө Тэңир» [Айтымбет 1994, 2006, с. 3] пишет: «Вера в единого небесного бога Көкө Тэңири у кочевников, существовала, как минимум, 7–10 тыс. лет назад и стала основой всех мировых религий». Деятельность современных сподвижников киргизского «тенгрианства» Д. Сарыгулова, А. Малиева, К. Тезекбаева отличается нацеленностью на практической легитимизации ценностей и идей «Тенгрианство». Дастан Сарыгулов

известен в республике как политический и общественный деятель, популяризатор идей о тенгрианстве, киргизской культуре и истории. По его мнению, ценности, идеи «Тенгрианство» могут и должны лечь в основу национальной идеологии. А. Малиев, К. Тезекбаев уже в течение долгого времени пытаются зарегистрировать «Тенгрианство» в государственных органах республики как официально признанной религии. При этом наблюдается публичное противостояние между представителями данного направления и радикальных исламских течений, напрямую связанных с арабскими и пакистанскими религиозными центрами.

В отличие от них, для представителей новых религий киргизской этнокультуры при всем их разнообразии характерен ряд общих черт, совокупность которых отличает их от других религиозных направлений. В целом, их творчество синкретично и эклектично [Бегалиева 2003, т. 1–2]. То, что они называются «аянчылар», т. е. трансцендентальными проводниками Высших миров, вовсе не означает, что они возникли из ничего. Безусловно, идейные основы этих движений, также включают в себя элементы суфизма, неошаманизма, индуизма, буддизма, христианства, оккультизма и т. д., но почти полностью адаптированных сочетаниях и пропорциях. Ясно, что новизна этих неорелигиозных движений имеет относительный характер, но в наше время процесс их возникновения заметно ускорился по мере ослабления и политизации мировых традиционных религий, совершенствования коммуникаций между различными культурными ареалами. Догматика и культовая практика новых религиозно-эзотерических течений базируются на киргизской духовно-культурной традиции, от которой они заимствовали самые разнообразные элементы. Неорелигиозные движения в киргизской культуре, прежде всего, опираются на феномен «Манас», киргизские духовные традиции, фольклор, язычество культуры кочевников. В них наблюдаются как общепланетарные космополитические интенции, духовные устремления, так и этноцентрические установки. В период духовно-идеологического кризиса в 1990-е гг. большой резонанс в киргизском обществе вызвали утверждения, что истинно духовные начала человечества возникли на их родине в землях Ала-Тоо, Сибири и т. д., что на нынешнем историческом этапе киргизский народ призван исполнить особую миссию – «привнесение Добра всему человечеству» [Жашыл китеп 1998].

В отличие от местных представителей и агентов, влияния традиционных школ ислама из Пакистана и арабских стран представители новых киргизских религиозно-эзотерических направлений более трезво оценивают духовную ситуацию в киргизском обществе, пытаются искусно приспособить свое видение, публицистику к меняющейся действительности; активно участвуют в общественной жизни. Иными словами, новые течения представляют собой яркие образцы модернизма религиозно-мистического сознания, определенно представляя обновленческую струю в духовной и культурной жизни этноса. В силу ряда причин процесс такого обновления в Киргизской Республике не развивался в рамках официальных религий, а наблюдается в творчестве представителей новых эзотерических и религиозно-мистических движений.

В целом, деятельность представителей этих движений защищена международными правовыми актами. В таких основополагающих документах, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 18) четко обозначены не только вопросы ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, но и право человека – менять религию и убеждения. Но в рамках республики новые религиозно-эзотерические и этнокультурные движения не имеют институционального легитимного характера, что отчасти не позволяет им активно участвовать в ритуальной жизни населения.

По различным оценкам, количество открытых адептов таких новых религиозно-эзотерических направлений кажется малочисленными по сравнению адептами ислама. Однако по степени синкретичности, гибкости в обновлении религиозного и духовного сознания этноса они значительно превосходят верующих официальных религиозных направлений. Это дает некоторым исследователям основание характеризовать новые религиозно-эзотерические течения как «самую динамичную духовную силу» современной киргизской культуры, без учета которой нельзя правильно оценить тенденции киргизского общественного и духовного развития.

В истории их возникновения и функционирования можно выделить, по крайней мере, несколько основных периодов.

Первый охватывает постперестроечные годы (1991–1998) Религиозные и эзотерические движения, зародившиеся в этот период преимущественно на базе народных верований и ислама, явились

продуктом эпохи, кризиса, поразившего все стороны общественной жизни. В специфической форме они отразили не только разочарование широких слоев общества в находившихся под контролем властей идеологических политических институтах, но и их стремление преобразовать жизнь на основе новых нравственно-религиозных принципов.

Второй период приходится на 1998–2010 гг. Время форсированного распространения «дикого» капитализма, падения нравственности, отягощенной сохранением некоторых полуфеодалных форм жизни, концентрация капитала и богатства страны в одних руках побуждало значительную часть населения – искать утешения в религии, в попытках самореализации в рамках религиозно-мистической и магическо-эзотерической жизни.

Третий период приходится на современный период после 2010 г. Противостояние адептов официального ислама и представителей новых религиозно-эзотерических и этнокультурных движений происходит в обстановке усиления социальной неустойчивости, усугублявшейся экономическими политическими кризисами, а также дальнейшим ростом разочарования значительной части населения в арабизированной ваххабской версии ислама. Расцвет псевдорелигиозных направлений, навязанной версии ислама со стороны арабских и пакистанских религиозных деятелей не решили проблему киргизской духовной культуры и не спасли от «обскурации» (Л. Гумилев) этнической культуры. Исконно этнические неорелигиозные движения генетически восходят к традиционной культуре и «новизна» их заключается в том, что они функционируют в новом культурном контексте. При этом в процессе адаптации они меняются.

Такие же попытки адаптации заметны и со стороны официальных деятелей ислама. Они уже стараются одеваться с использованием элементов национальной одежды, акцентировать в своей риторике внимание на этнических чувствах, настроениях, нравственности, культуре. Но современный официально признанный вариант ислама в Киргизской Республике противостоит попыткам ассимилировать ислам с местной культурой и реанимировать усеченных, в советский период, традиций киргизского традиционного ислама. Эти традиции, которые являются результатами поглощения этнической культурой метакультуры ислама, сегодня объявлены официальными деятелями

ислама внерелигиозными явлениями – «ширком». В сущности, как известно, исламская метакультура составляется из минимума, которые остаются узнаваемыми, даже когда собственно метакультура ислама или других мировых религий поглощается этническими культурами. Этот «религиозный минимум», к сожалению, не составляет основу современного официального исламского религиозного движения в Киргизской Республике, но он входит в состав духовных элементов новых религиозно-эзотерических и этнокультурных движений. В них можно наблюдать, как в «спрессованном» виде отражаются не только реформации и стремления соотнести инокультурные традиции с собственной, но и то, что обычно определяется как модернизация в узком смысле слова, т. е. проявление религиозно-мистических традиций и структур в новой форме, учитывающей особенности нового этапа цивилизации, приспособленной к все большему пониманию человека как субъекта изменений.

Неорелигиозные движения киргизского общества хотя и имеют схожие этноцентрические черты с язычеством западноевропейских народов, но не замыкаются в рамках расового мира. На Западе, как мы знаем, это прежде всего «Викка» – кельтское язычество, реконструированное британцем Д. Гарднером. Но в целом, в отличие от европейских и российских языческих объединений, в киргизских религиозно-эзотерических группах не выстраиваются социально-политические проекции, основываясь на таких идиомах, как цвет кожи, родословная (расовая, национальная принадлежность). Также нет аксиомизации только этнического пантеона исторически фиксируемых героев, нет попыток создания проекций альтернативной истории, в то же время наблюдается попытки встраивания альтернативного видения невидимого живого мира духовной истории, где смешано всё – пространство и время, пророки, герои, вожди, президенты, прошлое и настоящее [Кудай созу улуу Манас Ата илиминде 2013].

Эти направления, которые ныне являются альтернативой исламской вариации мировосприятия основаны на опыте трансформации религиозного сознания и духовных наследиях предыдущих поколений, в частности исламского периода [Мирописев 1901], когда ислам, точнее, суфизм, сам испытывал влияние шаманизма и многое от него воспринял [Тримингэм 1989], и советского периода, когда этнокультура также продолжала свое развитие, поскольку советская культура

отноудь не была внутренне однородной и не подверженной процессам дифференциации [Орбиты взаимодействия 1989; Гачев 1989].

В современной духовной жизни киргизского народа эти процессы продолжаютс. И эти изменения прежде всего заметны в проявлении или модификации духовного кода (оценки возможностей человека, аксиологической и познавательной систем, структуры личностных отношений, вариантов мировосприятия и т. п.), мистической и мифо-магической традиции этнической культуры в соответствии с требованиями тех форм нового религиозного отражения, которые продуцируются современной эпохой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айтымбет О.* Көкө Тэңир. Б. : Учкун, 2006. 224 с.
- Бегалиева О.* Основные Законы Развития Человечества. Бишкек : Бийиктик, 2003. Т. 1–2. 264 с.
- Гачев Г. Ч.* Айтматов и мировая литература. Ф., 1989. 278 с.
- Кудай созу улуу Манас Ата илиминде. Бишкек : Позитив, 2013. 340 с.
- Жашыл китеп. Бишкек : Бийиктик, 1998. 210 с.
- Миропиев М. А.* О положении русских инородцев. СПб. : Синод. Тип., 1901. 515 с.
- Омуралиев Ч.* Теңирчилик. Коом-Мамлекет. Б. : Кыргыз жер, 2012. 304 с.
- Омуралиев Ч.* Теңирчилик. Улуттук философиянын уңгусуна чалгын. Б. : Крон, 1994. 288 с.
- Орбиты взаимодействия // В соавторстве... М., 1989. С. 76–277.
- Сейталиева Г. А.* Отдельные показатели роста популярности ислама в Кыргызстане // Материалы международной научной конференции. Б., 2003. 154 с.
- Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены. М. : Наука, 1989. 328 с.